

МЕНТАЛИТЕТ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

В последние годы термин «диалог культур» прочно занял едва ли не самое почетное место на страницах исследований культурологов, этнологов, этнопсихологов и представителей целого ряда смежных дисциплин. Но к проблеме диалога интересно подойти с позиций ментальности. Некоторые философы полагают, что проблема ментальности актуализируется «по мере возрастания хаоса в современном обществе» [Каширин, 1999:64]. Интерпретируя ментальность как общую духовную настроенность, они «структурируют общечеловеческий разум таким образом, что ментальность, наряду с двумя другими функциями форм бытия – сознанием и самосознанием, творчеством выполняет определенные функции во всех трех постулируемых формах бытия: деятельности как иерархически более низкой, душе и духе как иерархически максимально высокой» [Каширин, 1999:66-71]. Ментальность как своеобразный тип, образ мышления, устойчивые социально-психологические установки, специфический способ восприятия и осознания объективной реальности, «общая духовная настроенность» этнической группы в целом и отдельных представителей, способ и образ мышления представителей определенной культуры как в обыденной, так и в экстремальной ситуации (Багдасарова, 1999: 26)

Таким образом, очевидно, что менталитет как гносеологический инструмент - довольно многозначное понятие. Л.Н.Пушкарев вычленяет пять интерпретаций содержания этого термина: иррациональное подсознание человека, вера, духовный мир человека, мировидение, логическое мышление (Пушкарев, 1995). Т.А. Голикова, специально анализируя различные воззрения на ментальность и стремясь научно обосновать понятие «этническая ментальность», приходит к умозаключению, что «сущность менталитета определяется как биологически, исторически и социально обусловленная система стереотипов этноса», а этнос в свою очередь - как «исторически сложившаяся лингвоментальная общность, реализующая изоморфные механизмы смысло- и речепорождения [Голикова, 1999: 25].

В 70-8-г.г. XX в. в отечественном гуманитарном знании появляются труды Г.Д. Гачева, литературоведа, культуролога, мыслителя, посвященные национальным образам мира. Исходя из тезиса о том, что «всякая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, то есть единство национальной природы, психики и мышления» [Гачев, 1995:11], исследователь описывает картины мира, свойственные народам разных культур: России, Болгарии, США, Киргизии, Армении, Грузии, Италии, Англии, Польши, Франции, Германии и др. Называя свой подход «культурно-эвристическим» и «стремясь понять национальное как особый талант зрения, в силу которого человек (ученый, художник) из данного народа склонен открывать одни аспекты в бытии и духе, а выходец из другой традиции – иные» [Гачев, 1998: 5]. В типологии культур существует противопоставление культур аполлонического и дионисического типов. Идея Ф. Ницше об аполлоническом и дионисическом типах культур использовала

Р. Бенедикт в знаменитой статье «Конфигурация культур», где выдвинула идею о фундаментальных различиях между культурами, каждая из которых имеет свою доминанту. Доминирующей установкой культур аполлонического типа является избегание крайностей, умеренность, компромиссное поведение, сбалансированность во всём, отказ от сильных эмоций и их внешнего проявления, так называемый «срединный путь». Китайская культура относится к культурам «срединного пути». Доминирующей установкой культур дионисического типа можно считать «путь крайностей», при котором особо ценятся стремление вырваться за границы обыденности и здравого смысла, бесстрашие, жестокость, безудержность в радости и горе, проявление героизма.

У китайцев есть выражение: 宁为玉碎,不为瓦全. (*Лучше быть разбитым нефритом, чем целой черепицей*) [《北齐书 元景安传》].

公元550年, 东魏的孝静帝被迫让位给丞相高洋后被毒死. 高洋同时还杀害他的儿子及所有亲属以斩草除根. 后扬言杀他的远房宗族. 元景安的堂兄元景皓坚决反对, 他说: “怎么能用抛弃本宗、投靠他姓的办法来保命呢? 大丈夫宁可做玉器被打碎, 不愿做陶器得保全! 我宁死也不改姓.” “逐他姓”则生, “不逐他姓”则死, 最终元景皓因不易姓而被杀, 表现出对自己人格尊严的坚决维护. Эту фразу сказал 元景皓 Юань Цзинхао своему двоюродному брату, стыдя его за то, что он изменил фамилию, чтобы стать однофамильцем не свергнутого, а нового императора. Брат передал его слова новому императору, и тот распорядился убить гордого 元景皓 (Юань Цзинхао). Ценой предательства один из братьев не только сохранил свою жизнь, но впоследствии и продвинулся по службе. Основа китайской ментальности ярко выражена в пословице: 人怕出名, 猪怕壮, 死猪不怕开水烫. (*Для свиньи опасно быть слишком упитанной, для человека опасно быть слишком прославленным*). Сбережение жизненной силы, «вскармливание жизни», проживание сполна своего жизненного срока – вот одна из основ даосского учения, которое отнюдь не склонно «петь песню безумству храбрых». «故智之所贵, 存我为贵» [《列子·杨朱第七》] В разуме самое ценное – это знание, как сохранить себя. [《Ле-цзы», глава VII]. Не менее трепетное отношение к собственной жизни и телу проявляют и идейные противники даосов – конфуцианцы. В конфуцианстве сохранение своего тела в целостности является одним из проявлений соблюдения принципа «сыновней почтительности» (основы основ конфуцианского благочестия), ибо в теле человека продлевается жизнь предков. Сохранение себя оказывается проявлением уважения к предкам. И даосы, и конфуцианцы сходятся в том, что сохранение своих жизненных сил и «проживание сполна» благодаря этому своего жизненного срока – это абсолютные ценности. Такую жизненную позицию, видимо, можно считать доминантой этнического сознания. В книге «墨子·亲士» («Мо-цзы», глава «Приближение служилых») философ рассуждает на эту тему так: «是以甘井近竭, 招木近伐, 灵龟近灼, 神蛇近暴. ...是故彼人者, 寡不死其所长, 故曰: 太盛难守也. :Высокое дерево прежде всего будет срублено, крупный олень или

черепаша прежде всего будут пойманы, крупная змея будет прежде всего высушена... Среди людей мало есть таких, кто бы не умер из-за своих слишком выдающихся достоинств. Потому что имеющееся в избытке трудно сохранить».

Об этом же многократно пишет и даос 庄子 Чжуан-цзы: «山木自寇也，膏火自煎也。桂可食，故伐之；漆可用，故割之。人皆知有用之用，而莫知无用之用也。[«庄子·内篇 人间世第四»]: Коричное дерево источает аромат – и его срубают. Лаковое дерево полезно для людей – и его долбят. Все знают пользу полезного, но никто не знает пользы бесполезного... Таково несчастье тех, кто представляет собой добротный материал... Вот ни на что не годное дерево, потому-то оно и выросло таким огромным. Теперь я понимаю, почему самые светлые люди в мире сделаны из материала, в котором никто не нуждается. [«Среди людей», глава IV]». Не нужно демонстрировать свои достоинства, потому что это опасно, а для даосов главное – сохранение жизни, «вскармливание жизни, чтобы сполна прожить свой жизненный срок». В главе 《庄子·杂篇·列御寇第三十二》(XXXII, «Ле Юйкоу») 庄子 Чжуан-цзы скрупулёзно подсчитал так называемые крайности и необходимости и сформулировал рекомендуемую даосами стратегию повседневного поведения: 穷有八极，达有三必，形有六府。美、鬻、长、大、壮、丽、勇、敢，八者俱过人也，因以是穷。缘循、偃快、困畏不若人，三者俱通达。知慧外通，勇动多怨，仁义多责。达生之情者傀，达于知者肖，达大命者随，达小命者遭。: Беда навлекается восемью крайностями, успех приносит три необходимости... Красота, пышная борода, высокий рост, крепкое сложение, сила, изящество, смелость, мужество – вот восемь крайностей, которые возвышают нас над другими и потому служат источником бед. Следование обстоятельствам, уступчивость и осмотрительность – таковы три качества, которые принижают нас перед другими и потому приносят успех». Те же мотивы встречает в литературных памятниках спустя 20 веков. Вот лишь один типичный пример: «建功立业者，多虚圆之士；僨事失机者，必执拗之人。[明·洪自成,《菜根谭》: 一九七、虚圆立业，僨事失机»]: Ястреб сидит так, словно спит. Тигр ходит так, словно болен... Благородный муж не должен раскрывать свою мудрость и показывать свой талант. Только так он возымеет силу свершить великое дело». [Хун Цзычэн; Вкус корней, сюжет 197]. Как видим, всё та же «умеренность и аккуратность», а отнюдь не «в жизни всегда есть место подвигу».

По другому параметру измерения культур, предложенному М. Мид, они делятся на постфигуративные и конфигуративные. В культурах первого типа абсолютной ценностью считается приверженность традиции, следование образцам предков, преемственность во всём, в культурах второго типа роль традиции гораздо слабее, а образцами для подражания становятся сверстники, а не предки. Кигайская культура, безусловно, принадлежит к числу традиционных (т.е. постфигуративных) культур. Господствующая в Китае конфуцианская идеология – это морально-этическое учение, представляющее собой по своим

истокам просвещённую форму культа предков (основной признак постфигуративной культуры). Основопологающими категориями конфуцианского учения являются ритуал, долг, человеколюбие (человечность), идеал человека – благородный муж. Жизненный идеал конфуцианцев – «следовать влечению сердца, не нарушая правил». Смысл учения заключался в согласовании прав и обязанностей человека с нормами традиции, закреплёнными в многочисленных ритуалах, которые являются образцом разумного поведения. Видимо поэтому мы наблюдаем в притчах героев, которые вдумчивы, абсолютно разумны, всегда готовы услышать голос предков. Отметим, что герои притч вообще не имеют имен или носят разные имена, чего не наблюдается в русских сказках. Например, в главе 《庄子·外篇·知北游第二二》 («Чжуан-цзы · 22 · Путешествие знания на север») сформулирован идеал поведения для китаецца: «天地有大美而不言，四时有明法而不议，万物有成理而不说。圣人者，原天地之美而达万物之理，是故至人无为，大圣不作，观于天地之谓也... 髡缺问道乎被衣，被衣曰：“若正汝形，一汝视，天和将至，摄汝知，一汝度，神将来舍。德将为汝美，道将为汝居，汝瞳焉如新生之犊而无求其故！”... 真其实知，不以故自持... : Мудрый проникается красотой Неба и Земли и постигает истину всех вещей. Поэтому совершенный человек ничего не делает, истинно мудрый ничего не придумывает... Смотри на мир простодушно, как только что народившийся бычок, и не доискивайся до причин...» или «风来疏竹，风过而竹不留声；雁渡寒潭，雁去而潭不留影。故君子事来而心始现，事去而心随空。[明·洪自成，《菜根谭：八十二、风不留声，雁不留影》]：Налетит ветер – и бамбук зашумит. Умчится ветер – и бамбук умолкнет. Летящий гусь отразится на поверхности замерзшего пруда. Улетит гусь – и на льду не останется его тени. Благородный муж занимается делами постольку, поскольку в этом есть нужда. Дело кончится – и сознание вновь становится пустым» [Хун Цзычэн; Вкус корней, сюжет 82]. «Прозревший человек «ни о чём не размышляет, ни о чём не беспокоится...».

В китайской фольклорной литературе существует множество притч-шедевров, настоящих литературных жемчужин. Ключевые фразы этих притч в последствие стали 成语 ченьюями (это особый вид фразеологизмов – четырёхсложные изречения на древнекитайском языке веньян). 成语 Ченьюи можно сравнить с айсбергами, у которых большая часть скрыта от глаз. Приведём примеры. Содержание притчи, давшей жизнь пословице 鹤短凫长 (Подрезать ноги журавлю и вытягивать ноги дикой утке), таково: Жил некогда человек, которому пришла в голову неожиданная идея. Увидев рядом журавля и дикую утку, он решил подрезать ноги журавлю, а дикой утке ноги вытянуть. Человек был уверен, что будет удобнее им обоим. Но ни журавль, ни утка с «новыми» ногами не смогли ни летать, ни ходить. Узнав об этом, 庄子 Чжуан-цзы сказал:

«兜胫虽短，续之则忧；鹤胫虽长，断之则悲.». Если журавль родился длинноногим, значит, это необходимо. Если утка родилась с короткими ногами, это тоже не недостаток. Если удлинить ноги утке, она будет печальна, ибо такие ноги ей ни к чему. Если укоротить ноги журавлю, он тоже будет печален, ибо потеряет свою силу» [《庄子·外篇·骈拇》]. Современное значение этого выражения понимается таким образом: пытаться идти против законов природы, предлагать что-то противоестественное.

Пример еще одной притчи: ...元若宋人然：宋人有闵其苗之不长而揠之者，芒芒然归，谓其人曰：‘今日病矣！予助苗长矣！’其子趋而注视之，苗则槁矣...: Крестьянин посадил рис и с нетерпением стал ждачь урожая, но ростки, как ему казалось, росли слишком медленно. Он решил ускорить процесс и целый день ходил по полю, вытаскивая на несколько сантиметров из земли каждый побег. Дома он с гордостью рассказал о своем титаническом труде. На следующее утро он не обнаружил на своем поле ни одного живого растения. Автор книги, где содержится эта притча, - древнекитайский философ 孟子 Мэн-цзы (около 372 – 289 до н.э.), последователь 孔夫子 Конфуция, ученик его внука 子思 Цзы-Сы. Основу его учения составляли принципы успешного управления государством на основе добродетели и справедливости. Во второй главе «公孙丑» («Гунсунь Чоу») своей книги, отвечая на вопрос своего ученика о том, что же следует понимать под чувством справедливости, 孟子 Мэн-цзы и использовал данную притчу, пояснив: «“敢问夫子恶乎长？”曰：“我知言，我善养吾浩然之气。”“敢问何谓浩然之气？”曰：“难言也。其为气也，至大至刚，以直养而元害，则塞于天地之间。其为气也，配义与道，无是，馁也。是集义所生者，非义袭而取之也。行有不慊于心，则馁矣。我故曰，告子未尝知义，以其外之也。必有事焉，而勿正，心勿忘，勿助长也。天下之不助苗长者寡矣。以为无益而舍之者，不耘苗者也；助之长者，揠苗者也——非徒无益，而又害之。： Пусть разум не забывает об этом чувстве, но не помогает его росту. Не надо быть похожим на жителя царства Сун... (далее шло изложение приведённой выше притчи). В Поднебесной мало людей, которые бы не помогали расти всходам. Те, кто считает воспитание чувства справедливости ненужным и уклоняется от этого, подобны тем, кто не обрабатывает всходов. Те же, кто помогает его росту, подобны тем, кто гнет всходы из земли». Как видим, знание древних притч позволяет полнее понять заложенный в пословице смысл.

Еще пример 成语 (ченьюе): 自相矛盾 (Сам себе и щит и копье). 楚人有鬻盾与矛者，誉之曰：‘吾盾之坚，莫之能陷也。’又誉其矛曰：‘吾矛之利

, 于物无不陷也。’或曰：‘以子之矛陷子之盾，何如？’其人弗能应也)。 (Вот притча, давшая ему жизнь: Торговец в оружейной лавке расхваливал свой товар. Желавших купить копье он убеждал в том, что его копье пробьёт любой щит. Желавшим же купить щит он говорил, что нет в мире копий, способных пробить его щиты. Один из покупателей поинтересовался: а что будет, если его щитами отражать его же копья? Продавец не нашёлся, что ответить) [《韩非子 难一》]. В этой притче можно усмотреть ироническое отношение автора к попыткам достичь совершенства в чём-либо (в данном случае – в изготовлении щитов и копий). Если бы существовали совершенные щиты, то отпала бы нужда в копьях; если бы существовали совершенные копья, бесполезными стали бы щиты. Но ни те, ни другие не могут быть идеальными, поэтому они и существуют.

Следуя даосскому принципу «в каждом деле прозревать нечто вовек неосуществимое», 韩非 Хань Фэй призывает не прикладывать чрезмерных усилий к чему бы то ни было, ибо совершенство всё равно недостижимо: «Когда предметы доходят до крайней точки, они обязательно возвращаются обратно. Если смотреть с напряжением, глаза не видят ясно; если слишком вслушиваться, уши не слышат отчётливо; если чрезмерно размышлять и обдумывать, в знаниях появится хаос».

Подобный диалог культур позволяет, как нам кажется, сделать выводы о наличии в ментальном мире конкретного народа тех или иных идеологем, одни из которых могут получать статус доминант национального сознания, другие – интегративных элементов. В своей совокупности эти идеологемы формируют структуру ментального мира народа, от которой зависит тип данной культуры. А мысль о том, что фольклорные тексты – очень надёжный источник знаний о психологии народа, мы выразим языком пословиц: *As the people, so the proverb* (англ.); *Todos los refranos son verdaderos* (исп.), что означает (если мы объединим их в одну): «Каков народ, таковы и пословицы, а пословицы не врут».

А А Сафонова

ТЕМАТИКА МИКРОНАРАТИВОВ СЕМЕЙНОГО РОДОСЛОВИЯ

Исследование корпуса материала в сочинениях на тему история моей семьи дает возможность пронаблюдать системное включение небольших по объему рассказов, отражающих те или иные события, сохранившиеся в семейных преданиях. Такие минирассказы В.К. Харченко предлагает называть биографемами, подчеркивая необходимость специального, отдельного их изучения [Харченко 2003: 29].

В свете известной типологии высказываний: повествование, описание, рассуждение – в текстах семейных родословных превалирует повествование, или нарратив в чистом виде. Специфический жанр семейных хроник наиболее полно отражает именно повествование: «.. Замечательная хозяйка, она прожила сто